

Выпускник Симбирской духовной семинарии Константин Васильевич Розов, обладатель удивительного по красоте бас-профундо, с 1898 года работал в Москве, и там, в 1918 году, был возведён в сан Великого архидиакона. Очерк о нём, написанный А.П. Смирновым в 1989 году, первоначально был опубликован в журнале «Наше наследие» (1991, № 1). Воспоминания эти рассказы-вают не только о личности и таланте великого архидиакона, но и о сложной обстановке, царившей в начале XX века в столице, о противостоянии приверженцев патриарха Тихона (к которым относился и К.В. Розов) и так называемых «живоцерковников», приветствовавших новую власть.

Панихиды по Розову, скончавшемуся скоропостижно от болезни сердца, проходили в Крестовоздвиженской церкви и в храме Большое Вознесение на Б. Никитской, отпевание – в Большом Вознесении. На них побывали десятки тысяч москвичей, в том числе и автор воспоминаний.

Молебен на Красной площади
По правую руку от Святейшего Патриарха Тихона – архидиакон Константин Розов
Москва. 1918

Великий архидиакон

Кремлёвские соборы приходо- не имели, и москвичи, как и многие приезжие, приходили в Успенский собор, особенно в воскресные и праздничные дни, чтобы послушать пение знаменитого хора и насладиться службой известного всей России протодиакона. Одна внешность Константина Васильевича вызывала радостное чувство. Высокий, с правильным лицом, курчавыми волосами, он был во всём очень гармоничен и являл собой тип русского красавца. Сквозь золотые очки смотрели добрые, доверчивые глаза, и всё его служение убеждало в искренности слов и действий.

Неторопливость и уверенность Константина Васильевича создавали атмосферу полного спокойствия у хора и у всех сопричастных к служению. Так было всегда, и никакие трудности, никакие высокопоставленные лица не влияли своим присутствием

на благочинность и стиль службы Константина Васильевича.

Мне самому довелось восторгаться Константином Васильевичем не только в древнем Успенском соборе, где всё действо так гармонировало с окружающей стариной, но приходилось петь в службах других церквей, где присутствовали главы государств. Так было на различных торжественных службах в 1912 году в связи со 100-летием Отечественной войны 1812 года, так было и в 1913 году в Лейпциге, на освящении и открытии храма-памятника, посвящённого «Битве народов» 1813 года.

Пение Синодального хора часто, если не всегда, сочетали со службой Константина Васильевича. И неизменно он был великолепен. Особенно поражал его голос. Это был прекрасный, необыкновенный по тембру бас-профундо исключительного звучания, без каких-либо хрипов или качаний. Полная уверенность и спокойствие,

постоянное чувство своих возможностей – вот что отличало протодиакона Розова. Я, например, не помню ни одного срыва на высоких нотах при полном звучании голоса, в Многолетии, да и на низком звуковом диапазоне он никогда не «давился» и всегда знал свои возможности.

Дикция Константина Васильевича была великолепна. Навсегда запомнилось его чтение Евангелия в Великую Пятницу. Чтение это длится очень долго, но держит слушателей в полном внимании к тексту, что достигается не только содержанием, но и ровностью звучания, изумительным дыханием. И это чтение Розова изумляло не только тогда, но и много лет спустя моих товарищей-синодалов, когда мы вспоминали о своей школе, своём детстве, юности.

В последний раз я видел и слушал Константина Васильевича и свой Синодальный хор в 1917 году. Я отправился

в Успенский собор ко всеобщей службе под праздник Воздвижения. Время было тревожное. Народ заполнил собор что называется до отказа. Пройти на клирос было невозможно, и я остановился у западных дверей, где было всё видно и слышно. Как всегда при архиерейском служении, певцы в своих одеждах малинового цвета сошлись с клиросов на амвоне для исполнения торжественного песнопения «Хвалите имя Господне». Хор запел произведение Кастальского.

Растворились царские врата, и всё духовенство во главе с епископом вышло на середину собора. Шествие замыкал Константин Васильевич. В его руке был сноп зажжённых свечей, и в это время, по обыкновению, по свечам центрального паникадила побежал зажжённый шнур, осветивший паникадиль и собор. Торжественный, незабываемый момент!

Весной 1919 года, вернувшись в Москву после долговременной отлучки, я узнал, что вместо Синодального хора, слившегося с певцами других московских хоров, организовалось три хора. В одном из них, где хормейстером был А.В. Александров, пел и Константин Васильевич, не оставляя служения в храмах Москвы. Слушал я этот хор в зале сада «Эрмитаж» летом 1919 года. Пожалуй, это выглядело странным, но ничего зазорного я, как и все, в этом не чувствовал. Концерт проходил днём, народу было мало. По окончании концерта все вышли на свежий воздух. Возле Константина Васильевича сгруппировался кружок, в котором были П.Г. Чесноков, Н.С. Голованов, А.В. Александров и другие. Слышался голос Голованова, он в то время давал в церквях концерты духовной музыки с участием Неждановой, Стрельцова, возможно, и Розова.

В 1921 году Москва отмечала юбилей Константина Васильевича – 25-летие его служения церкви. Храм Христа Спасителя был переполнен народом. Мне с трудом удалось пробраться к правому приделу храма на хоры, откуда я его и увидел в облачении и камилавке: он был уже архиереем. Я вновь увидел мощную фигуру этого красавца, но услышать его голос мне не удалось: служба долго не начиналась, ещё не приезжал патриарх Тихон, который должен был возглавить это торжество. Было видно, как Константин Васильевич переходил с одного клироса на другой и разговаривал с П.Г. Чесноковым и Н.М. Данилиным. Я не мог долго оставаться там и вынужден был до начала

службы покинуть храм. Как оказалось позже, я ушёл, не дождавшись наречения Константина Васильевича Великим архиереем. Такое наречение было первым в православной церкви.

В 20-х годах я жил на Пречистенке, и путь мой на службу лежал по Моховой улице. Однажды, в 1922 году, на углу этой улицы и Воздвиженки я увидел в пролётке Константина Васильевича. На нём было лёгкое пальто, шляпа, в руках палка, на которую он опирался, и неизменные золотые очки. Милый, всегда дорогой для меня человек! В те годы в Москве жителей было мало, и я, заметив на себе его взгляд, снял фуражку и поклонился ему.

Эта встреча была для меня последней. Весной 1923 года с моим товарищем мы готовились к поступлению в вуз. Происходило это у одного из преподавателей Синодального училища, продолжавшего жить в прежней, когда-то казённой квартире. И вот однажды его прислуга Матрёна собралась уходить, как она сказала, на панихиду. Оказалось, что скончался Константин Васильевич и будет первая панихида в Крестовоздвиженском храме, что находился в этом же дворе.

В храме людей было немного, пришли те, кто жил поблизости. Были А.Д. Кастальский, Н.М. Данилин, Н.С. Голованов, П.Г. Чесноков. Первую панихиду служил архиепископ Трифон, многочисленные служения которого в Успенском соборе совершались всегда вместе с Константином Васильевичем. Совместное служение этих двух пастырей всегда отличалось красотой и убедительностью. Если будет дозволено сказать – это был великолепный дуэт!

Сказанное архиепископом Трифоном прощальное слово было полно печали и глубокого сожаления о ранней смерти Константина Васильевича. Запомнились мне сказанные им слова, что покойный Константин Васильевич относился к вере очень непосредственно, «подобно ребёнку», и это очень точно. Гроб с его телом несколько дней находился на Воздвиженке, и ежедневно совершалось несколько панихид в многочисленном присутствии почитателей Великого архиерея.

21 мая старого стиля православная церковь отмечает день московской святыни – иконы Владимирской Божией Матери, которая находилась в Успенском соборе Московского Кремля, а также память равноапостольного царя Константина. И случилось, что похороны Константина Васильевича пришлось именно на этот день. Гроб

был установлен в храме Большого Вознесения. Накануне совершалась всеобщая служба; служил весь причт Успенского собора с протопресвитером Н.А. Любимовым во главе.

Неожиданно прибыл священник Красницкий, который вместе с митрополитом Александром Введенским возглавлял церковный раскол тех лет – так называемую «Живую церковь». Патриарх Тихон находился под арестом в Донском монастыре, а «Живая церковь» бурно захватывала церкви разных приходов не только Москвы, но и многих городов России. Сам московский люд, притихший, подавленный историческими событиями, предпочитал посещать храмы, сохранявшие старые традиции и, в частности, церковный календарь, от которого отказались «живоцерковники». Священство Успенского собора оставалось стойко приверженным традиционной церкви. Возможно, Красницкий в этот день пытался найти контакт с московской паствой. Быть может, искал примирения. Случай представился вполне подходящим. Служба прошла обычно и закончилась панихидой. Скандал разразился на улице, при выходе Красницкого из храма, и продолжался, пока он не вошёл в подошедший трамвай.

Литургия и отпевание следующего дня продолжались очень долго... Народом были заполнены и обе прилегающие к храму улицы. Катафалк, запряжённый двумя парами лошадей в белых пополах, направился к Ваганьковскому кладбищу. Отдать последний долг тому, кто так украсил жизнь москвичей, собрались тысячи благодарных людей. Стояла прекрасная солнечная погода. Но предание тела земле состоялось на следующий день – ещё не все успели проститься с Константином Васильевичем. На Ваганьковском тогда присутствовала вся приверженная старине Москва. Подобный всплеск народного чувства был, мне кажется, предпоследним. Последним стали похороны патриарха Тихона в Донском монастыре.

На сороковой день кончины Константина Васильевича была совершена литургия в храме на Ваганьковском кладбище. За несколько дней до этой памятной даты освободили из-под стражи патриарха Тихона, и он в сопровождении протопресвитера Любимова приехал днём на кладбище, чтобы отслужить литию на могиле своего Великого архиерея.

Из воспоминаний
Александра Смирнова